

**АЛЕКСАНДР
ФЕКЛИСОВ**

РУЗВЕЛЬТ, КЕННЕДИ, СОВЕТСКАЯ АГЕНТУРА

Александр Феклисов

**Рузвельт, Кеннеди,
советская агентура**

«Алисторус»

1994

Феклисов А. С.

Рузвельт, Кеннеди, советская агентура / А. С. Феклисов —
«Алисторус», 1994

Александр Феклисов тридцать пять лет проработал во внешней разведке КГБ, большую часть из которых — в США и Великобритании. Он участвовал во многих тайных операциях КГБ, в том числе в охоте за американскими атомными секретами. Кроме того, в этой книге рассказывается об «агентурных» обстоятельствах поездки Хрущева в США, о роли советских спецслужб в разрешении «Карибского кризиса» и о загадке убийства президента США Дж. Кеннеди – убийства, которое в США приписывали КГБ... Книга также издавалась под названием «За океаном и на острове».

© Феклисов А. С., 1994

© Алисторус, 1994

Содержание

От автора	5
Мой путь в разведку	7
Через океан	13
Тревожное накануне	16
Лукавая политика союзников и кое-что об эмиграции	18
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Александр Семенович Феклисов

Рузвельт, Кеннеди, советская резидентура

Посвящается моим дорогим американским и английским друзьям, помогавшим нам в Великой Отечественной войне победить фашистскую Германию, а затем предотвратить развязывание ракетно-ядерного конфликта.

От автора

Я работал во внешней разведке КГБ СССР с июля 1939 года по июль 1974 года, то есть тридцать пять лет. За это время прошел путь от рядового оперативного сотрудника до начальника отдела. Трижды был в длительных заграничных командировках – с января 1941 года по сентябрь 1946-го в Соединенных Штатах, с сентября 1947-го по апрель 1950-го в Великобритании и с августа 1960-го по март 1964-го снова в США.

В 1974 году я вышел в отставку в звании полковника, но продолжал служить в разведке по вольному найму до середины 1986 года.

Мысль написать воспоминания о моей разведывательной работе впервые пришла, когда я смотрел по телевидению выступление писателя К. М. Симонова с его «Солдатскими мемуарами», в которых он подчеркивал необходимость, пока еще живы современники Великой Отечественной войны, записывать для будущих поколений их рассказы о событиях тех лет.

К написанию своих закрытых – для служебного пользования – воспоминаний о разведывательной работе в 1941–1946 годах я приступил в 1987-м и, не торопясь, закончил в 1988 году.

Средства массовой информации, уделяя большое внимание деятельности КГБ, в том числе и его внешней разведке, нередко допускают необъективные суждения, сгущают краски или приводят непроверенные факты. В частности, во многих опубликованных материалах утверждалось, что внешняя разведка работает неэффективно. Это неверно.

Получив разрешение руководства КГБ в 1990 году, я снова взялся за перо, чтобы рассказать широкому кругу читателей о некоторых разведывательных операциях во время моего пребывания в США и Англии. Хочу подчеркнуть, что в этой книге говорится только о тех операциях, в которых я лично участвовал. Это лишь малая толика работы, проводимой внешней разведкой КГБ в 1940–1960 годах.

Сев за свои записки, я преследовал три цели.

Во-первых, показать, что собой представлял разведчик 40–60-х годов – его социальное происхождение и положение, общеобразовательную, политическую и профессиональную подготовку; его трудовую закалку и личные качества; и, наконец, его отношение к разведывательной работе.

Во-вторых, хотя бы вкратце осветить политическую обстановку в США и Англии в период, когда я находился там.

В-третьих, на конкретных примерах показать, как велась наша разведывательная деятельность и какие результаты были достигнуты.

Думаю, что читателей заинтересуют те главы, в которых идет речь о моих встречах с советскими государственными деятелями – В. М. Молотовым и Н. С. Хрущевым, выдающимся английским писателем Бернардом Шоу, великим русским композитором С. В. Рахманиновым и одним из крупнейших социологов XX века П. А. Сорокиным. Надеюсь, читателям будет любопытно узнать подробности о таких значительных событиях, как поездка в 1959 году Н. С.

Хрущева в США, карибский ракетно-ядерный кризис 1962 года, убийство президента США Дж. Кеннеди в 1963 году.

Мой путь в разведку

Даллас, 22 ноября 1963 г. Убит президент США Кеннеди...

Париж, 22 ноября 1963 г. Сотрудники ЦРУ США передают своему кубинскому агенту авторучку с замаскированной в ней отравленной иглой – орудие для уничтожения Фиделя Кастро...

Варадеро (Куба), 22 ноября 1963 г. Ф.Кастро встречается за завтраком с французским журналистом Жаном Даниэлем. Репортер имеет прямое задание американского президента найти пути примирения с кубинскими властями. За утренней трапезой они получают известие о гибели Кеннеди. Кубинский лидер потрясен...

Да, вот такое драматическое сплетение событий в один и тот же день, один и тот же год.

А мы пока мысленно перенесемся в апрель 1961-го. Сотрудник ЦРУ Г. Хант произносит по радио кодовую фразу: «Рыба красного цвета». Это – сигнал к началу вторжения на Кубу.

Радиосигнал сработал. Местом высадки по предложению ЦРУ был избран залив Кочинос, воды которого омывают малонаселенное побережье с небольшими коттеджами и крошечными, похожими на игрушечные, деревушками. За взлетной полосой сельского аэродрома полное безлюдье – зыбкая заболоченная равнина.

Вторжение началось с бомбардировки кубинских аэродромов. Руководители разведки Вашингтона рассчитывали: эту акцию поддержат силы оппозиции на острове. Однако Кастро разгадал маневр и своевременно принял меры. Всех, кто мог бы прийти на помощь высадившемуся на берег отряду кубинских эмигрантов, власти Гаваны заблаговременно арестовали.

Это был удар, имевший катастрофические последствия для всей операции ЦРУ в заливе Кочинос.

Одновременно поднялась шумиха в ООН. Соединенные Штаты были обвинены в причастности к этой акции. Тогда Кеннеди принял решение отменить второй авианалет. И хотя парашютисты-интервенты из так называемой «кубинской бригады» приняли бой, ничто уже не могло спасти их от поражения: на третий день все было кончено...

Я начал книгу с кубинской проблемы не случайно, ибо самому пришлось впоследствии принять в ее решении непосредственное участие. Я находился в США и в дни убийства президента Дж. Кеннеди. Но обо всем этом более подробно в последующих главах.

А сейчас я хочу рассказать о том, как я пришел в разведку.

Родился я в 1914 году в семье железнодорожного стрелочника, выходца из крестьян Тульской губернии. После семилетки учился в фабрично-заводском училище, на рабфаке, в Московском институте инженеров связи на радиофакультете, который успешно закончил.

Здесь необходимо сделать небольшое отступление. В институт часто приходили представители военных академий, беседовали со студентами: шел набор кандидатов. Дошла очередь и до меня. Однажды меня вызвали в ЦК ВКП(б).

– Мы хотим предложить вам, молодому специалисту, очень интересную работу...

– Что ж, если подхожу – возражений не имею. Вся жизнь впереди, – ответил искренне я и вскоре уехал по путевке в дом отдыха в Геленджик. Солнце, море, кипарисы – все прекрасно! Но однажды ко мне подошел незнакомый человек и предъявил удостоверение местных органов НКВД.

– Вам необходимо, товарищ Феклисов, срочно выехать в Москву, – улыбнулся он. – Отдохнете потом...

В Москву – это понятно, но к кому я должен явиться? Телефон мне не дали. Загадки, да и только! Ведь посетивший меня энкаведист толком не объяснил, куда надо прибыть. Поэтому я не стал особенно торопиться, и когда вышел срок моего отпуска, вернулся домой. А там меня

уже ждали встревоженные родители. Выяснилось, что несколько дней подряд к нашему дому приезжает черная «эмка».

– Тебя, сынок, разыскивают, – покачал головой отец. – Натворил что-нибудь, признайся. Соседей расспрашивают. Вот беда-то...

Через некоторое время в дверях появился мужчина лет сорока, с орлиным носом, в пенсне. Пробасил:

– Кажется, Александр вернулся? Родители, как по команде, утвердительно кивнули.

– Попросите-ка его выйти во двор. Разговор состоялся короткий:

– Ну, молодой человек, хочу от души поздравить – вы зачислены в школу особого назначения, сокращенно – ШОН, на один год. Там будете теперь жить и учиться. Ясно?

Затем сказал, чтобы я захватил мыло, зубную щетку, порошок и пару нижнего белья: меня сразу отвезут в школу.

Я бросился домой и объяснил, что меня срочно оформляют на работу под Москвой и мне нужно немедленно ехать туда, а вернусь через неделю. Все мои домашние – от бабушки с бабушкой до младшей сестренки, которой уже исполнилось 14 лет, – молча смотрели, как я перекладывал из чемодана в портфель незатейливые вещи. Попрощавшись со всеми, я ушел с незнакомцем.

Мы помчались по Горьковскому шоссе и скоро прибыли в школу, находившуюся в Балашихе. Мне показали комнату, где я должен был жить вместе с другими товарищами, классы, столовую, просторный двор.

Когда я в субботу возвратился домой, родители и родственники вздохнули с облегчением. Они стали расспрашивать, какую же работу мне предложили. Я ответил:

– Берут радиоинженером на секретную радиостанцию, а в чем будет заключаться работа конкретно, пока неизвестно.

И действительно, я ничего толком не знал. Мое приобщение к миру разведки было для меня полной неожиданностью. Теперь, бросая взгляд в прошлое, должен сказать, что отчетливо понимаю, насколько неожиданно произошел крутой перелом в моей судьбе.

В то давнишнее воскресенье я еще не осознал, что мобилизация меня в органы госбезопасности резко изменит мой образ жизни, оторвет от родных мест, от близких и друзей, среди которых я вырос, и направит мою судьбу по новой, весьма сложной, но интересной дороге, откроет перспективы, о которых я не только не мечтал, но которые мне никогда и не снились.

Условия и обстановка в ШОН оказались непривычными. Школа размещалась в лесу в добротном деревянном двухэтажном доме; ее территория была огорожена забором. В верхнем этаже располагались пять спальных комнат, душевая, зал для отдыха и игр, а в нижнем – два учебных класса и столовая. Спальные комнаты были большие, в них находились два стола для занятий, две роскошные кровати с хорошими теплыми одеялами и два шкафа для одежды. Перед кроватями – коврики. Комната содержалась в идеальной чистоте. По сравнению с обстановкой, в которой я жил дома, где зимой спал на сундуке за печкой, а летом – в сарае на дровах, эти условия казались райскими.

Я, как и другие девять слушателей, остался доволен трехразовым вкусным и сытным питанием, так как в институте, в котором я до недавнего времени учился, столовой не было и обычно мой обед состоял из банки баклажанной икры или фаршированного перца, пятисот граммов черного хлеба и двух-трех стаканов чая.

Коренным образом изменился и мой внешний облик. Если в годы учебы в институте я обычно носил лыжный костюм и лыжные ботинки и все пять лет – заношенное демисезонное пальтишко, то в ШОН нам выдали по добротному пальто, шляпе (до этого шляп я никогда не брал в руки), костюм, ботинки, сорочки. Нам ежемесячно платили пятьсот рублей. Когда я, одетый с иголки, пришел в очередную субботу домой, родители ахнули от удивления.

Еще через неделю я дал матери четыре сотни. Она, как обычно, взяв деньги не считая, спросила:

– Шура, достаточно ли ты оставил себе?

И после утвердительного ответа пошла в другую комнату, чтобы положить деньги на комод.

Утром в воскресенье, во время завтрака, я заметил, что родители необычно молчаливы и пристально смотрят на меня. Затем отец, явно волнуясь, спросил:

– Сынок, нас беспокоит появление у тебя больших денег, дорогостоящей одежды, то, что ты не бываешь дома по целым неделям. Не стал ли ты заниматься какими-либо нечистыми делами?

Я попытался убедить родителей, что никакой «темной деятельностью» не занимаюсь, работаю радиоинженером в важном секретном научно-исследовательском центре, находящемся за городом; чтобы не тратить много времени на дорогу, живу там в общежитии. Однако я видел, мои слова не рассеяли сомнений у родителей.

Недели через две или три мне пришла мысль показать родителям карточку кандидата в члены партии, где было указано, с какой суммы плачу взносы. Так я и сделал. Записи в этом документе убедили их в том, что я веду честный образ жизни.

В школе училось всего десять слушателей – парни, мобилизованные в органы госбезопасности после окончания технических институтов.

Годичная программа включала изучение иностранных языков, спецдисциплин, отдельных аспектов истории ВКП(б), страноведения. Ежедневно шесть часов занятий. Обычно первые три урока отводились иностранным языкам. Пять слушателей изучали английский, трое – французский и двое – немецкий. Все начали с азов, ибо в технических вузах в то время иностранные языки преподавались крайне слабо.

В число специальных дисциплин входило освоение теории разведки для всей группы, а также радиододела для одной подгруппы и вопросов документации – приобретение и изготовление паспортов, метрических свидетельств, военных билетов, дипломов и тому подобное – для другой.

Основной метод обучения – беседы, проводившиеся сотрудниками разведки и контрразведки. На курс теории разведдела отводилось около 50 часов; освещались аспекты ухода от наружного наблюдения, вербовки, работы и организации связи с агентурой.

Я изучал радиододел: как самому собрать передатчик и приемник, а также вопросы организации и поддержания двусторонней радиосвязи. Много часов отводилось обучению работе на телеграфном ключе и приему на слух цифрового и буквенного текста по азбуке Морзе. Хотя ничего определенного нам не говорили, но мы понимали, что одна половина группы, в том числе я, готовилась на разведчиков-радиистов.

Начальником разведшколы был Владимир Харитонович Шармазанашвили. Его постоянное присутственное место находилось на Лубянке, но по мере необходимости он приезжал к нам. Воспитательная и организационная работа велась главным образом партторгом группы – слушателем Владимиром Константиновичем Коняевым.

Это был интересный человек, лет на шестнадцать – восемнадцать старше остальных слушателей. Родился он в 1897 году, участвовал в Октябрьской революции и Гражданской войне, командовал кавалерийским подразделением. В 1939-м, когда его мобилизовали в органы госбезопасности, работал директором одной из самых больших московских типографий. Владимир Константинович был опытным специалистом в области типографского дела и получал приличную зарплату. В его распоряжении находилась персональная служебная машина. Оказавшись в органах НКВД, он лишился всех привилегий, но никогда не жаловался на это. Так решила партия, и он беспрекословно подчинился.

Коняев много рассказывал нам поучительных историй из своей богатой событиями жизни. Мы его уважали и ласково прозвали «дедушкой». У «дедушки» был лишь один недостаток – забывчивость. Он долгое время не мог запомнить данный ему на курсах псевдоним «Колпаков», что иногда приводило к курьезным случаям.

Однажды мы все сидели в холле и слушали музыку. Вдруг появляется «дедушка» с очками на лбу и, держа какой-то список в руках, добродушным голосом, но вполне серьезно произносит:

– Вечно этот... Колпаков уплачивает партийные взносы последним и требует особого приглашения. Все сидящие взорвались громким хохотом. Он не понял, почему ребята смеются. И тогда один из слушателей сказал:

– «Дедушка», ведь Колпаков-то – это вы! Он схватился рукой за макушку и, сконфуженный, выбежал из холла...

Может показаться странным, но Коняев успешно работал в разведке. В конце 60-х он ушел в отставку и вскоре умер от рака.

В нашем маленьком коллективе процесс обучения, самостоятельная подготовка и воспитательная работа протекали в спокойной деловой обстановке, без суеты, без ненужных формальных собраний и заседаний.

В школе я все свободное время уделял учебе, особенно спецдисциплинам, английскому языку, литературе, истории и культуре Англии и США.

Из десяти слушателей, окончивших школу, в разведку взяли шестерых. Меня зачислили в американское отделение.

В 1940 г. закордонную разведку вел Пятый (иностранннй) отдел, в котором имелись следующие немногочисленные региональные и функциональные отделения:

- три европейских;
- американское;
- дальневосточное;
- ближневосточное;
- информационно-аналитическое;
- оперативно-техническое;
- кадровое;
- финансовое;
- хозяйственное.

Всего в центральном аппарате разведки, включая секретарей и машинисток, работало не более ста двадцати человек. Начальником моего отделения был Федор Алексеевич Будков, спокойный человек лет сорока пяти, говоривший тихо, почти шепотом. Все отделение, кроме кабинета начальника, занимало одну комнату, где размещалось шесть-семь человек.

Не успел я как следует включиться в оперативную работу, как Будков привел меня к заместителю начальника разведки Максиму Борисовичу Прудникову. (С первых дней войны М. Б. Прудников добровольцем ушел в действующую армию. – *Прим. авт.*) После непродолжительной беседы он сказал:

– С кадрами, подходящими для укрепления резидентуры в США, у нас не густо. И вот мы решили направить вас в Нью-Йорк, хотя и понимаем, что вы еще недостаточно подготовлены для выполнения всех задач. Однако надеемся, что на месте, приложив максимум усилий, вы быстро войдете в курс дела, активизируете английский язык, изучите обстановку и включитесь в разведывательную работу.

В конце беседы Прудников упомянул, что на меня возлагается задача по установлению радиосвязи из Нью-Йорка с Москвой.

Тем временем я продолжал изучать оперативную обстановку в Нью-Йорке и в США в целом, занимался переводом на русский язык агентурных сообщений, печатал их на машинке.

Всю эту работу выполнял под наблюдением и руководством только что возвратившегося из Соединенных Штатов нелегала Исхака Абдулловича Ахмерова. Татарин по национальности, он по-английски говорил лучше, чем по-русски, ибо, находясь в США в течение многих лет на нелегальном положении да еще имея жену англичанку, отвык от русской речи. Стройный брюнет лет сорока, с красивым восточным лицом, немного вздернутым носом и искрящимися подвижными глазами, он отличался приветливостью в отношениях с людьми и элегантностью в одежде.

Ахмерова я называл «ходячей энциклопедией». Он отвечал как на русском, так и на английском языке на любые мои вопросы, связанные с США. Все годы работы в разведке я с благодарностью вспоминал Ахмерова, который по-отечески заботливо готовил меня к разведывательной работе в Нью-Йорке...

Вторую половину рабочего дня я посвящал подготовке к организации двусторонней радиосвязи между Москвой и Нью-Йорком. Конечно, этот канал обеспечивали несколько подразделений Иностранного отдела. Передающий радиопередатчик готовил аппаратуру и антенны, чтобы посылать мощные сигналы на США. Приемному центру предстояло принимать слабые сигналы моего маломощного передатчика из Нью-Йорка. Конструкторы и радиотехники создавали для меня специальный аппарат. Всю эту работу, включая также фотодокументы и изготовление документов, вело оперативно-техническое отделение, во главе которого стоял Алексей Алексеевич Максимов. (В первые дни войны ушел на фронт. Погиб в боях под Москвой. Посмертно награжден. – *Прим. авт.*)

Для меня была организована практика в радиобюро, откуда передавались и где принимались телеграммы из радиоточек, расположенных в некоторых странах Европы и Азии. Здесь работали подлинные радисты-асы. Вначале они проводили со мной тренировочные занятия по двусторонней связи, а затем стали разрешать «боевые» сеансы радиосвязи с корреспондентами, которые находились в соседних с СССР странах и чьи сигналы хорошо прослушивались. Я устанавливал с ними связь, принимал от них телеграммы и передавал им шифровки Центра. Постепенно мне стали доверять более сложные радиосеансы.

В октябре 1940 года меня направили на стажировку в американский отдел Наркомата иностранных дел, который находился тогда на углу Кузнецкого моста и улицы Дзержинского.

В то время существовала практика: отъезжающих в командировку принимал сам нарком иностранных дел. Вест о приеме Молотовым явилась для меня неожиданностью. Кроме меня пришли еще два дипломата.

Нарком меня спросил:

– Как же это вы так, голубчик, на холостом ходу? Мы ведь неженатых за границу не посылаем, тем более в США. Вам там сразу подберут красивую блондинку или брюнетку – и провокация готова. За меня заступился А. П. Власов, заведующий отделом кадров НКВД, заметив, что в советских учреждениях Нью-Йорка работают девушки и я смогу там жениться. Молотов сказал:

– Ну что ж, товарищ Феклисов, тогда поезжайте, работайте и не подводите нас.

После этого нарком стал говорить о важности задач, стоящих перед советскими дипломатами, особенно в США и Англии. Кратко рассказал о сложности международной обстановки и о том, что советское правительство делает все возможное, чтобы не позволить капиталистическим странам втянуть нашу Родину в разгоравшуюся войну. Подчеркнул, что точно такая же задача стоит и перед сотрудниками советских загранпредставительств. Они должны тщательно изучать взаимоотношения между главными капиталистическими странами. Основное внимание Молотов просил уделить выявлению тайных шагов Англии и США по прекращению войны с фашистской Германией, заключению альянса, направленного против СССР.

Во время разговора Молотов расхаживал по кабинету. На нем были темно-сиреневый костюм-тройка из советской ткани «метро» и белая сорочка с галстуком. Свои мысли он изла-

гал четко и энергично, время от времени жестикулируя руками. Признаков заикания не чувствовалось. Мне показалось, что нарком внешне в своей манере разговаривать с людьми сознательно или подсознательно копировал Ленина, причем такого, какого я знал по кинофильмам.

Моя подготовка к отъезду в командировку шла быстро.

Третьего января 1941 года Будков предупредил меня, что нужно как можно быстрее выезжать в Нью-Йорк. В НКВД заказали железнодорожные и пароходные билеты. Две недели ушли на сборы: получение паспорта, билетов на поезд Москва – Владивосток, инструктаж в ЦК ВКП(б) и сдачу партбилета, подгонку экипировки у портного; окончательную доработку плана-задания, прием руководством разведки.

Через океан

Поезд из Москвы во Владивосток отправлялся с Ярославского вокзала, как помню, в 16 часов. В день отъезда я на работу не пошел. Мать и отец не отходили от меня ни на шаг. Я сказал им, что меня командируют во Владивосток. За прощальным обедом разговор как-то не клеился, настроение у родителей было грустное, а у матери все время навертывались слезы. Время от времени в квартиру заходили соседи по дому, чтобы сказать мне «до свидания», пожелать счастливой дороги, успеха на новом месте работы.

В два часа дня я тепло попрощался с плачущей мамой, с бабушкой, бабушкой и сестрами Тасей и Аней. Братья Борис и Геннадий работали. Отец решил проводить меня до заставы Ильича. Я шел с ним по заснеженному Двенадцатому Рабочему переулку и Рабочей улице. День стоял пасмурный. На отце были поношенная шапка-ушанка, старое зимнее пальто, неопределенного из-за своей заношенности цвета – не то серого, не то черного. Бороду и усы покрыл иней. Лицо осунувшееся, болезненное, только серые глаза, хотя и печальные, оставались лучистыми и живыми. Я был одет по-осеннему и во все новое: серая шляпа, черное пальто, темно-серый костюм, на ногах начищенные черные полуботинки, а на руках – черные кожаные перчатки. Наша одежда резко контрастировала, и я неожиданно заметил, что на это обращают внимание шедшие навстречу люди, среди которых были наши знакомые. Мне стало стыдно, что мой отец одет так худо. На мое замечание, что следует купить новые пальто и шапку, отец, убежденный в своей правоте, твердым голосом ответил:

– Что ты, сынок! Пальто и шапка еще хорошие, не рваные, и я поношу еще годика два-три. Разве можно такие хорошие вещи выбрасывать?

После этих слов я понял, что мои возражения и замечания не изменят образа жизни и привычек отца, устоявшихся за полвека.

После некоторого молчания отец начал озабоченно говорить о сложности международной обстановки, о возможном нападении Германии на нашу Родину. Когда я заметил, что между нашими странами существует договор о ненападении, отец убежденно возразил:

– Договор – это бумажка. Немцы коварные и вероломные. Я знаю, воевал против них. Они пойдут войной на нас. Так, разговаривая, мы дошли до заставы Ильича. Увидев, что приближается нужный мне трамвай, отец заторопился и произнес слова, запомнившиеся мне на всю жизнь:

– Работай, Шура, хорошо, чтобы мне с матерью не было стыдно за тебя. До свидания, сынок, может быть, больше не увидимся. Бойся немца, я его знаю.

Мы крепко обнялись и расцеловались. Поднявшись в почти пустой вагон, я встал на задней площадке. Трамвай сделал полукольцо на площади и, громыхая колесами, стал быстро набирать скорость, а я все смотрел через стекло на сиротливую, сгорбленную фигуру отца, медленно махавшего мне шапкой...

Слова отца при расставании оказались пророческими: через полгода Германия напала на Советский Союз, а в сентябре сорок второго отец умер, и мне его увидеть больше не пришлось.

Поезд до Владивостока шел почти 10 суток. В пути я вдоволь наигрался в шахматы и домино, прочитал две книги и отоспался. Наконец около полудня поезд прибыл на конечный пункт. Нас, ехавших в советские дипломатические представительства, встретил сотрудник НКВД. Шифровальщиков и меня поместили в небольшом охраняемом домике, где обычно останавливались дипкурьеры, и выдали талоны для разового питания в гостинице.

Во Владивостоке мы прожили пять дней, ожидая японский пароход, на котором прибыли в Цуругу – порт на западном побережье Страны восходящего солнца. Так я впервые попал за границу, да еще в такой экзотический край, как Япония.

Вице-консул утром напоил нас чаем, отвез на вокзал и отправил поездом в Иокогаму, откуда мы должны были пароходом отплыть в Сан-Франциско.

В Иокогаме нас разместили в солидной гостинице «Империял». Здесь нам пришлось впервые столкнуться с японской контрразведкой и службой наружного наблюдения. Всякий раз, когда сотрудники НКВД и я отправлялись в город, за нами в непосредственной близости следовали филеры пешком, на велосипедах или в автомашине. Однажды, когда мы гуляли по городу, к нам вдруг подошел японец и, приветливо кланяясь, сказал:

– Дальше идти нельзя, там находится военный объект.

Мы безропотно повернули обратно. Японец, продолжая улыбаться, в знак благодарности несколько раз поклонился. Был случай, когда у одного из нас ветром сдуло шляпу, наружник быстро ее поймал и с радостной миной возвратил владельцу.

В один из дней я решил поехать в посольство СССР в Токио, чтобы выяснить, что слышно о нашем отъезде. В вестибюле отеля перед выходом меня остановил привратник в форме и, коверкая русские слова, начал бессвязно говорить: «Корошая погода. Здравсте», стараясь задержать меня. Я все же выскочил на улицу, сел в такси и велел водителю отвезти меня на железнодорожную станцию. Привратник, вышедший на улицу вслед за мной, что-то сказал шоферу, и тот стал медлить с отъездом. Я попросил водителя трогаться. Таксист что-то отвечал по-японски, но машина с места не двигалась. Тогда я вышел и перебрался в другое такси, сев на заднее сиденье. Когда машина уже трогалась, к ней подбежал запыхавшийся японец, который прежде следил за нами, плюхнулся на сиденье рядом с водителем и, повернувшись ко мне, сказал по-английски:

– Мистер, я заплачу половину за проезд. Я ответил:

– О'кей.

Сотрудник «наружки» сопровождал меня на электричке и на автобусе до советского посольства. В консульском отделе я получил необходимые сведения, узнал, что завтра с уходящей диппочтой можно отправить домой письмо. Пообедав в посольской столовой, я направился обратно в «Империял». Тот же самый филер исправно следовал за мною.

После ужина я закрыл на ключ и на засов дверь, положил письма своих спутников в столик, стоявший перед окном, и лег спать. Около четырех часов утра я проснулся, услышав какой-то шорох. Непонятные звуки время от времени повторялись. Затем зашевелились гардины на окне. Я вскочил, откинул штору и увидел смеющуюся физиономию японца, стоявшего на лестнице. Под окном в летнем саду два других японца держали переносную лестницу. Поняв свою оплошность, они схватили лестницу и скрылись в темноте. Видимо, эти пришельцы намеревались выкрасть наши письма.

Утром я отвез почту в консульский отдел советского посольства в Токио.

Завтракать, обедать и ужинать в ресторан отеля мы все пять человек ходили вместе. В последний день перед отъездом утром я, как обычно, позвонил товарищам по внутреннему телефону и спросил, собрались ли они к завтраку. Едва мы сели за столик, как шифровальщик Миша вспомнил, что забыл загранпаспорта в номере под подушкой, и вместе с женой побежал исправлять ошибку. Вскоре жена вернулась и сказала, что они не могут найти документы. Это обстоятельство не на шутку встревожило нас: ведь без паспортов наши друзья не смогли бы попасть в США.

Мы пошли в их номер и увидели нашего товарища, который лихорадочно, видимо, уже в который раз, перерывал простыни, одеяло, а рядом стояла молоденькая японка. Оказалось, что, когда Михаил возвратился в номер, горничная находилась там, собираясь сменить постельное белье. Мы, естественно, стали выяснять, не обнаружила ли она случайно паспорта. На наши вопросы она мотала головой и односложно отвечала по-английски: «Нет, сэр». Николай, другой шифровальщик, считал, что документы взяла японка. Он предложил обыскать ее. И как только мы объявили ей об этом, она вдруг из внутреннего кармана кимоно вынула паспорта и

протянула нам. Потом женщина начала на прекрасном английском языке просить прощения и со слезами на глазах умолять, чтобы о случившемся мы не сообщали администрации, так как ее уволят, а у нее – ребенок. Говорила, что ее заставляют брать на время документы гостей. И, хотя мгновение назад все были страшно злы на горничную за ее поступок, мы как-то быстро остыли и вернулись в ресторан.

За семидневное пребывание в Иокогаме я получил наглядное представление, сколь активно действовала японская контрразведка против советских граждан. Все это рассеяло некоторые мои наивные представления и еще более утвердило во мне решимость во время предстоящей работы в США постоянно проявлять бдительность, чтобы не попасть в сети, расставленные службой контршпионажа.

Из Иокогамы на пассажирском пароходе «Явота мару» мы отплыли в Сан-Франциско с заходом в порт Гонолулу на гавайском острове Оаху. Плавание продолжалось около двенадцати дней. Николай и Михаил с женами получили отдельные каюты, а я попал в трехместную, вместе с двумя молодыми голландцами. Однако в ресторане мы сидели за одним столом, да и вообще большую часть дня проводили вместе.

«Явота мару» сделал тридцатичасовую остановку в Гонолулу на Гавайях. Пока шла выгрузка и погрузка товаров, пассажиров возили по острову Оаху на автобусах. Гиды показывали достопримечательности: мелькали главные улицы и площади города, ананасовые плантации и пальмовые рощи, знаменитый песчаный пляж Уайкики. С горы как на ладони был виден залив с военно-морской базой США Пёрл-Харбор, на которую японская авиация сделает через десять месяцев налет и выведет из строя десятка два американских военных кораблей.

В Сан-Франциско пароход прибыл в полдень. Через несколько минут после того, как спустили трап, на нас налетела стая корреспондентов и фоторепортеров. Защелкали затворы фотоаппаратов и раздались вопросы, типа: «Ну, большевики, расскажите, как вы догнали и перегнали передовые капиталистические страны?» И тут мы увидели группу бегущих к нам людей в рабочих спецовках, которые, коверкая русские слова, кричали: «Товарищи, не разговаривайте с продажными буржуазными писателями!» Они оттеснили журналистов, спросили, где наш багаж, затем, взяв чемоданы, спустились по трапу вместе с нами на пирс и подвели к встречавшему советскому вице-консулу Скорикову. От предложенной платы за услуги американские рабочие наотрез отказались. Позднее мы узнали, что в числе портовиков были те, кто в составе армии США высаживались в 1919–1920 годах во Владивостоке. Находясь в Советской России, они поняли, что их заставляют вести несправедливую войну, и с тех пор стали друзьями Советского Союза, членами профсоюза портовых рабочих, во главе которого долгие годы был известный прогрессивный деятель Гарри Бриджес.

Небольшой эпизод в порту продемонстрировал, что и за океаном у Советского Союза есть верные друзья.

Скориков привез нас в здание вице-консульства, усадил за стол, расспрашивал о последних московских новостях, о делах в НКВД. Он проинструктировал, как следует вести себя во время предстоящей поездки по Соединенным Штатам, которые с Западного до Восточного побережья простирались на шесть тысяч километров.

Ехали в удобном и просторном вагоне: днем мы сидели в удобных вращающихся креслах, а вечером проводник сооружал спальные места, которые в два этажа шли вдоль вагона. Каждое место занавешивалось шторой из плотной темно-зеленой материи. Поездка продолжалась пять суток и позволила увидеть разнообразные ландшафты великой страны – горы, пустыни, степи, леса, озера и реки, большие города и крошечные сельские поселения, а главное – людей Америки.

К концу сорокадневного путешествия Москва – Нью-Йорк я уже почти перестал смотреть по сторонам и удивляться увиденному.

Тревожное накануне

Прежде чем начать рассказ о моей разведывательной работе, хотелось бы кратко изложить обстановку в Соединенных Штатах, где мне предстояло действовать, круг обязанностей в генеральном консульстве, характер взаимосвязей советских представительств с местными властями, отношение к Советскому Союзу различных слоев населения.

В Нью-Йорке меня встретил сотрудник генконсульства К. Г. Федосеев. Это учреждение находилось тогда на Шестьдесят первой улице в четырехэтажном доме. Соседний дом, в котором проживало несколько советских семей, также принадлежал консульству. В нем размещались столовая и класс для занятий английским языком.

По указанию генконсула мне предоставили комнатушку в здании советской школы на Восемьдесят седьмой улице. Сослуживцы помогли купить необходимые вещи домашнего обихода, и на третий день я уже вышел на работу.

Я был командирован в генеральное консульство стажером, без дипломатического паспорта. В первый же день меня принял генконсул В. А. Федюшин. Поинтересовался, как я добрался, не было ли в пути каких-либо происшествий, и расспросил о последних новостях в наркомате. В конце беседы Виктор Алексеевич распорядился, чтобы я принял дела от сотрудника консульства Федосеева, тут же вызвал его в кабинет и определил срок передачи.

В мои обязанности входила работа с командированными и постоянно проживающими на территории консульского округа советскими гражданами и командами моряков советских торговых судов, прибывающих в американские порты, а также разбор различных конфликтов и оказание консульской защиты советским гражданам, попавшим в непредвиденные ситуации. Я также оформлял выезд советских граждан из США, ставя в паспорте штамп с въездной визой в СССР.

В 1941 году в Соединенных Штатах находилось около ста двадцати постоянно проживавших советских граждан-эмигрантов, которые имели так называемый советский вид на жительство. По положению они должны были один раз в год приходить, в генконсульство, чтобы уплатить сбор за продление совзагранвида.

В течение первых месяцев выполнение перечисленных обязанностей не отнимало много времени: каждый день на прием приходили пять-семь посетителей.

После приезда в Нью-Йорк около двух месяцев меня в резидентуру не пускали. Я даже толком не знал, где она находится. Осваивал свои обязанности по прикрытию, усиленно изучал английский и, конечно, самым подробным образом знакомился с гигантским городом. Особое внимание уделял кинотеатрам в различных районах Нью-Йорка и всем видам городского транспорта. Первое время просмотр фильмов был не развлечением, а нелегким трудом. Из-за недостаточного знания английского языка приходилось напрягаться, чтобы понять происходивший на экране разговор. Как ни старался, я понимал максимум пятьдесят процентов слов. Но усиленная работа над языком, постоянное общение с американцами, ежедневное чтение газет, разговоры по телефону, слушание радиопередач постепенно расширяли словарный запас. Через четыре-пять месяцев я уже мог свободно разговаривать с местными жителями на бытовые и политические темы.

В апреле 1941 года меня принял исполнявший обязанности резидента П. П. Пастельняк, солидный мужчина лет сорока пяти. У него было мужественное, изрытое оспинами лицо с глубоко посаженными темными глазами. Человек он был сугубо военный: службу начал в пограничных войсках, а затем перешел на контрразведывательную работу. В 1938–1939 годах его направили руководителем группы по обеспечению безопасности в советском павильоне на Всемирной выставке в Нью-Йорке. Английского языка он почти не знал. После закрытия

выставки его оставили в резидентуре. В апреле 1941 года он был назначен исполняющим обязанности резидента.

Будучи военным, Павел Пантелеймонович любил дисциплину, и прежде всего подчинение, или, как он изъяснялся, субординацию.

Пастельняк, просматривая мой план-задание, спросил:

– Цель командировки известна?

И, не дожидаясь ответа, зачитал известные мне задачи: установление двусторонней радиосвязи между резидентурой и Центром, выполнение разведывательных заданий по указанию резидента. Он выделил в мое распоряжение две небольшие нежилые комнатки на верхнем этаже консульства для размещения радиостанции. Здесь же предполагалось и мое жилище. Пастельняк приказал в трехдневный срок переехать сюда из здания школы, приступить к оборудованию радиоточки и ежедневно докладывать о проделанном.

Относительно разведывательной работы Пастельняк заявил, что перед тем, как передавать мне на связь агентов, он проверит мою пригодность на вспомогательных второстепенных делах: подборке официальных материалов по ФБР и тогдашнему главному разведоргану Вашингтона – Управлению стратегических служб (УСС), переводе на русский язык официальных и агентурных материалов, подыскании мест встреч с агентурой. Я должен был приобретать полезные для резидентуры связи, используя официальные возможности по прикрытию. До обеда мне полагалось вести прием посетителей, а в послеобеденное время и вечером – работать в резидентуре. В ее помещение Пастельняк посоветовал входить таким образом, чтобы этого никто из сотрудников НКВД, «чистых дипломатов», как мы их называли, не заметил.

Я приступил к выполнению своих задач в беспокойное время, в канун нападения гитлеровской Германии на нашу Родину. Еще в апреле 1941 года посол К. А. Уманский, выступая на совещании дипломатического состава генконсульства, заявил: «Гитлер опьянен успехами. В Европе нет державы, которая могла бы остановить фашистов. Гитлер готовится к нападению на СССР, и войны нам с Германией при всем желании, видимо, не избежать».

Точка зрения посла ошеломила меня и моих товарищей. Хотелось надеяться, что мрачное предсказание не сбудется.

А пока его прогноз сыграл мобилизующую роль для дипсостава.

Уманского справедливо считали человеком незаурядным. Он начал свою служебную деятельность журналистом, блестяще знал несколько иностранных языков. Перед войной нередко выступал в роли переводчика Сталина. Хорошо владел стенографией, печатал на пишущей машинке, был прекрасным оратором, умел четко излагать мысли, не прибегая к каким-либо запискам. Он сам много работал, подготавливая важные документы, и быстро решал вопросы. Будучи уверен в неизбежности войны с фашистской Германией, продолжал встречаться в Вашингтоне с немецким послом и старался вывести у него нужную информацию.

В тот период отношения между СССР и США были крайне плохими. Американская пропаганда в газетах, журналах и по радио без конца лживо утверждала, что Советский Союз – друг гитлеровской Германии и поэтому подписал пакт о ненападении. И замалчивала тот факт, что Москва была вынуждена пойти на это вследствие двуличной политики правящих кругов Англии и Франции, толкавших нацистов к нападению на СССР. Конгресс Соединенных Штатов принимал законы, согласно которым свертывались экономические и торговые отношения с Москвой. Некоторые компании прекратили поставку ранее заказанного технического оборудования, а правительство США предложило сопосольству отозвать всех своих приемщиков. Торговля между странами фактически прекратилась. Число командированных советских граждан в Соединенных Штатах с каждым днем сокращалось. Американская контрразведка активно разрабатывала почти поголовно советских граждан: вела за ними слежку, прослушивала телефоны, подставляла агентов-provokаторов. В феврале 1941 года был арестован сотрудник военно-морского атташата СССР, а в апреле – наш резидент Гайк Бадалович Овакимян.

Лукавая политика союзников и кое-что об эмиграции

Хотя после выступления посла К. А. Уманского мы допускали возможность нападения фашистской Германии на нашу Родину, тем не менее война для нас, как и для всех советских граждан, началась неожиданно.

В субботу 21 июня 1941 г. я лег спать в полночь. В воскресенье в семь часов утра дежурный по генконсульству разбудил меня и сообщил: Гитлер развязал против нас войну. Я не сразу осознал смысл этих слов. Включил приемник. Все радиостанции мира только и передавали сообщение о нападении немцев на СССР, о начавшихся жестоких боях.

Когда я спустился вниз, сотрудники генконсульства были на своих рабочих местах. Между собой почти не разговаривали. К нам без конца звонили по телефону и приходили американские корреспонденты. Однако никаких интервью мы не давали.

Генконсул Федюшин провел совещание, где объявил, что мы находимся на военном положении, и потребовал строжайшей дисциплины.

Через три дня состоялось собрание сотрудников генконсульства, на котором решили в зависимости от состава семьи добровольно отчислять двадцать пять – сорок процентов заработной платы в фонд победы над фашистской Германией.

До 22 июня правящие круги США, как я уже отмечал, относились к Советскому Союзу враждебно. В прессе и по радио постоянно велась антисоветская пропаганда. Среди американцев было много выходцев из Германии. В стране действовали около двадцати немецких консульств, массовая организация «Немецкий бунд», в которую входили влиятельные личности, в том числе некоторые члены конгресса. На митинги этой организации собиралось по двадцать – тридцать тысяч человек. В США издавалось много профашистской и откровенно фашистской периодики, книг; работали кинотеатры, где шли исключительно германские кинофильмы, в том числе документальные ленты о выступлениях фюрера и военная хроника, прославлявшая блицкриг. Профашистские организации действовали до декабря 1941 г. – дня начала войны между Германией и США.

Правда, когда гитлеровцы напали на Советский Союз, реакция правящих и монополистических кругов была неоднозначной. Какая-то часть приветствовала агрессию, хотя редко кто делал это открыто. Прогитлеровски настроенными оказались автомобильный король Генри Форд, мультимиллионер Джозеф Кеннеди, отец будущего президента Джона Кеннеди, другие миллионеры, которые имели большие интересы в самой Германии и странах, оккупированных Гитлером. К этим враждебным силам примыкали монополисты, желавшие, чтобы СССР и Германия обескровили друг друга, а затем США и Англия уничтожили бы советскую державу. Среди них был и влиятельный сенатор, позднее ставший президентом США, Гарри Трумэн, который 23 июня 1941 года во всеуслышание объявил сокровенные цели этих кругов: если они увидят, что выигрывает Германия, то следует помогать России, а если выигрывать будет Россия, то следует помогать Германии, и, таким образом, пусть немцы и русские убивают друг друга как можно больше.

Еще в более циничной форме заявление Трумэна представила реакционная газета «Нью-Йорк дейли ньюс», выходившая многомиллионным тиражом. На своих страницах она изобразила Советский Союз и гитлеровскую Германию в виде двух змей, образовавших клубок и пожирающих друг друга. Под рисунком стояла надпись: «Не мешай им съесть друг друга».

Существование в США и Англии влиятельных прогитлеровских и антисоветских группировок дало основание личному советнику президента Ф. Д. Рузвельта Гарри Гопкинсу написать: «Поразительно много людей, не желающих помогать России и не способных усвоить своими тупыми головами стратегическое значение советско-германского фронта».

Среди правящих кругов США находились и люди с умеренно либеральными взглядами, во главе которых стоял президент Рузвельт. Они понимали необходимость и важность союза с СССР в борьбе за победу над странами фашистского блока. Рузвельт неоднократно заявлял, что он не всемогущ, что проводит политику, которая, по его словам, являлась «равнодействующей всей системы политических сил в США», но точку ее приложения он сдвигал чуть-чуть влево. В целом политика американского президента при существовавшей расстановке политических сил в США была благожелательной в отношении Советского Союза.

В большинстве своем простые американцы, как и народы других стран, с первых дней войны относились к СССР с сочувствием. Однако и среди них встречались такие, кто под влиянием многолетней антисоветской пропаганды и угрозы безработицы не проявлял симпатий к борьбе советского народа против фашизма. Могу привести один из многих фактов, подтверждавших это.

Весной 1942 года я пришел на советское торговое судно. Капитан пожаловался, что американские рабочие медленно выполняют ремонтные работы, и указал на группу парней, которые, вместо того чтобы трудиться, загорали на палубе. Я обратился к ним, призывая поскорее отремонтировать корабль. Сказал о том, что в Советском Союзе люди проливают кровь в борьбе с нашим общим врагом – Гитлером. Один из бездельников прошипел:

– Вы что, хотите, чтобы мы быстро закончили ремонт, а потом снова сидели на скамейке в Центральном парке без работы?

Капитан и я разяснили, что сейчас другое время, работы у них будет много. Говорили, что если мы быстро не покончим с Гитлером, то некоторых из них призовут в армию и пошлют на фронт. Выслушав все это, загоравшие встали и нехотя поплелись к своим рабочим местам.

Прогрессивные организации проводили митинги, на которых присутствовало большое число американцев. Выступавшие требовали открытия второго фронта против Гитлера.

В США была создана организация «Рашн уор релиф» – «Комитет помощи русским в войне», во главе которой правительство поставило своих надежных людей, чтобы они направляли ее деятельность по чисто благотворительному руслу и не давали встать на просоветские позиции. На собранные деньги «Рашн уор релиф» приобретала и направляла Красной Армии, советскому народу лекарства, медицинские препараты и аппаратуру, продукты питания, одежду. Всего за время войны Советскому Союзу была оказана помощь на сумму более полутора миллиардов долларов.

С конца 1941 года США начали поставки в СССР по ленд-лизу, продолжавшиеся до сентября 1945 года. Их общая стоимость составила девять с половиной миллиардов долларов, тогда как другим своим союзникам американцы оказали такую помощь более чем на тридцать шесть миллиардов. В Советский Союз поставлялись самолеты-истребители; фронтовые бомбардировщики, имеющие небольшой радиус действия; танки, орудия; транспортные средства; продовольствие, одежда, обувь и некоторые другие товары. Эти поставки, конечно же, оказали помощь СССР в борьбе с фашистскими агрессорами, но отнюдь не повлияли существенным образом на исход борьбы на советско-германском фронте. Поставки по ленд-лизу, вместе с британскими и канадскими, составили около четырех процентов советского промышленного производства в военные годы (Дипломатический словарь, том 2, изд. «Наука», 1986 г., стр. 139. – *Прим. авт.*).

Из добытых нашей разведкой секретных документов явствовало, что руководители США и Англии тайно договорились о том, чтобы оказывать Советскому Союзу помощь материалами и некоторой военной техникой, пригодными лишь для оборонительных операций. Под различными предлогами союзники отказывали СССР в поставке наступательного и новейшего оружия – бомбардировщиков дальнего действия, автомашин-тягачей для тяжелой артиллерии, радиотехнических устройств и тому подобного. Я сам был очевидцем, как на пирс прибыла партия автомашин грузоподъемностью в двенадцать тонн и американские военные представи-

тели запретили ее грузить на советские пароходы, заявляя, что машины, дескать, привезли сюда ошибочно.

В конце 1942 года в США прилетела через Аляску группа наших известных летчиков во главе с Героем Советского Союза М. М. Громовым, чтобы получить и перебазировать в СССР обещанные двадцать стратегических бомбардировщиков. Однако американская сторона отказалась выполнить данное ранее обещание, выдвинув ряд надуманных предложений.

Известно также, что, несмотря на имевшуюся официальную договоренность между союзниками не вступать в сепаратные переговоры с представителями гитлеровской Германии, США и Англия через представителей своих разведок, по крайней мере с конца 1943 года, начали устанавливать контакты в Швейцарии, Швеции и других странах с представителями фашистской Германии.

Это еще один штрих к политике наших союзников в ходе Второй мировой войны.

Мне хорошо запомнился прилет в США в первых числах июля 1942 года народного комиссара иностранных дел СССР В. М. Молотова. Вначале он на сутки остановился в Нью-Йорке, где жил в здании генконсульства. Его сопровождали лишь помощник и ответственный сотрудник нашей разведслужбы К. М. Кукин. Никакой специальной охраны с ним не было.

За несколько часов до прибытия Молотова вице-консул П. П. Пастельняк собрал молодых консульских работников и поручил им охранять здание. Он расставил посты, объявил расписание дежурств. В конце инструктажа кто-то спросил:

– Каким образом и чем мы будем защищать нарком в случае нападения местных фашистов на генконсульство? Помолчав, П. П. Пастельняк серьезно ответил:

– Защищать нужно будет грудью. На этом инструктаж завершился. Днем Молотов знакомился со специально подготовленными для него материалами, беседовал с генконсулом Е. Д. Киселевым, резидентом В. М. Зарубиным и председателем советской закупочной комиссии, а ночным поездом в купированном вагоне выехал в Вашингтон. В столице он несколько раз встречался с президентом Ф. Д. Рузвельтом и ответственными представителями его администрации. Затем возвратился в Нью-Йорк и оттуда вылетел в СССР.

В день отлета в десять часов утра нарком встретился с сотрудниками генконсульства. В зале для приемов мы образовали круг, в центре которого стоял Молотов. В общих чертах он рассказал о международной обстановке, обрисовал положение на фронтах и сформулировал новые задачи. Затем стал отвечать на вопросы. Я, по своей дипломатической неопытности, задал вопрос:

– Ожидается ли улучшение отношений США с СССР после ваших бесед в Вашингтоне?

Молотов пристально посмотрел на меня. Его взгляд был холодным, жестким. И тут я почувствовал легкий шлепок по спине. Это Зарубин предупреждал: не задавай, мол, бестактных вопросов. Но было поздно.

– А как вы думаете, зачем я приехал в Вашингтон? – резко отреагировал Молотов.

– Не знаю, – тихо, упавшим голосом ответил я. Воцарилась напряженная тишина. Но нарком прервал затянувшуюся паузу. Сославшись на Рузвельта, он сказал, что США никак не могут оправиться от предательского удара японцев по Пёрл-Харбору. Американские и английские вооруженные силы пока терпят поражение в сражениях на Тихом океане и в Юго-Восточной Азии. Вашингтон предпринимает все возможное, чтобы переломить ход японо-американской войны, мобилизует людские ресурсы, быстро наращивает военное производство. Больших поставок требует Великобритания. Тем не менее Рузвельт и его сторонники понимают, что судьба Второй мировой войны решается на советско-германском фронте. Поэтому США будут увеличивать масштабы поставок по ленд-лизу, несмотря на то, что в стране имеются влиятельные круги, выступающие против этого. Была достигнута договоренность о том, что США в первую очередь пошлют те материалы и оборудование, в которых Советский Союз нуждается острее всего.

Через три часа Молотов военным самолетом вылетел через Восточную Канаду и Гренландию в Англию, откуда, после переговоров с Черчиллем, ему предстоял очень опасный перелет на советском самолете через линию фронта в Москву.

Вскоре стало известно, что на встрече с сотрудниками генконсульства в Нью-Йорке Молотов почему-то скрыл от нас, что в ходе переговоров в Вашингтоне президент Рузвельт дважды подтвердил наркому свое обещание открыть второй фронт в 1942 году, а начальник штаба сухопутных сил Дж. Маршалл заверил его о наличии у США достаточных возможностей для этого.

12 июля 1942 г. было опубликовано официальное коммюнике о завершившемся визите Молотова в США. В нем указывалось, что сторонами «была достигнута полная договоренность в отношении неотложных задач создания второго фронта в Европе в 1942 году».

Британское правительство также подписало англо-советское соглашение с аналогичной формулировкой по этому вопросу. Одновременно Черчилль направил Сталину секретную памятную записку, в которой сообщал, что открытие второго фронта в Европе в указанные сроки будет разумным только при благоприятных условиях. Эта записка, как показали дальнейшие события, явилась очередным лукавым ходом Черчилля в отношении Советского Союза.

13 июля 1942 г. был опубликован текст советско-американского соглашения. Газета «Правда» в передовой статье писала: «... 1942 год должен стать годом окончательного разгрома гитлеровских полчищ...» Известие о полной договоренности с Англией и США об открытии второго фронта в Европе вселяло надежду на быстрый конец войны.

Но радость была преждевременной. Правящие круги Великобритании и Соединенных Штатов не сдержали союзнического слова. Черчилль в своих письмах и при личной встрече со Сталиным в августе 1942 года выдвигал много надуманных причин о невозможности открыть второй фронт в 1942 году. В присутствии официального представителя США А. Гарримана Черчилль заявил, что широкое вторжение на Европейский континент Англия и США начнут весной 1943 года. И снова наши союзники не выполнили своего обещания. Они высадили войска в Нормандии лишь 6 июня 1944 г. – через три года после нападения фашистской Германии на СССР, когда исход войны был уже предрешен.

Смысл затягивания создания второго фронта теперь стал абсолютно ясен из опубликованных недавно архивных документов. Он состоял в том, что правящие круги США и Англии преследовали в войне и такую цель – обескровить СССР в его единоборстве с Германией и ее сателлитами, чтобы затем навязать свою волю как обессиленным участникам войны – советскому государству и фашистскому рейху, так и всему миру.

Война заставила советских граждан трудиться гораздо больше, чем в мирное время. В том числе и нас, сотрудников нью-йоркской резидентуры. Сейчас я удивляюсь, как мы могли справляться со значительно возросшим объемом обязанностей. Спрашиваю себя: «Что помогало нам выполнять их?» Несомненно, это было возможно прежде всего благодаря осознанию огромной ответственности и пониманию того, что своей активной работой мы будем содействовать победе. Разум и совесть подсказывали, что мы должны прилагать максимум усилий, духовных и физических, чтобы выполнять задания Центра оперативно, четко, проявляя инициативу, творческий подход, старание и сноровку.

Сотрудники резидентуры трудились по шестнадцать – восемнадцать часов в сутки. Жизнь состояла из работы и сна. Стыдно было много отдыхать, когда на Родине шла непрерывная битва не на жизнь, а на смерть. По указанию резидента я, как и другие товарищи, много занимался обеспечением отправки грузов в СССР, а также безопасности советских командированных граждан и моряков. Учитывая, что этот участок являлся надежным прикрытием моей разведывательной деятельности и имел большое значение для пополнения моего политического, оперативного и жизненного опыта, я расскажу об этом периоде чуть подробнее.

После вступления США в войну и начала поставок по ленд-лизу торгово-экономические связи с СССР начали быстро расширяться. В Соединенные Штаты стали приезжать советские специалисты по приемке военного снаряжения, промышленного оборудования и товаров. Среди них встречались и те, кто всего лишь шесть – восемь месяцев назад уехали отсюда, когда свертывались торговые отношения. Это были великолепные знатоки своего дела, владевшие английским языком, прекрасно изучившие местные условия. К 1944 году в советской закупочной комиссии и Амторге (Амторг – акционерное общество, учрежденное в 1924 году в Нью-Йорке; комиссионер – поставщик экспорта советских товаров в США и импорта американских товаров в СССР) в Нью-Йорке работало около двух с половиной тысяч человек, да еще столько же в Вашингтоне, где размещался руководящий аппарат комиссии.

Консульской работы с этой категорией советских людей было много. Каждый день приходили на прием десять – двадцать человек.

Важный участок – обслуживание советских торговых судов. На Восточном побережье в 1942–1945 годах их всегда находилось от пяти до двадцати. Некоторые, нуждавшиеся в большом ремонте, стояли по три-пять недель. На каждый пароход после его прибытия приходил представитель генконсульства, чтобы ознакомиться с положением на нем, проверить, в порядке ли мореходные книжки у команды и судовая документация. В первую очередь выясняли, нет ли среди моряков больных, чтобы в случае надобности оказать им медицинскую помощь, поднять их настроение.

Представители генконсульства выступали перед моряками с докладами о международном положении, рассказывали о положении на фронтах, политической обстановке в США, советско-американских отношениях. Моряки задавали массу вопросов, поскольку во время многодневного плавания они фактически были оторваны от всего мира. Их особенно интересовала информация о военных действиях, чем объясняется задержка открытия второго фронта. Мы рассказывали о борьбе советских людей, о том, что в мире растет международная поддержка СССР, и призывали моряков работой на совесть помочь Родине и приблизить день победы над врагом. Такие выступления поднимали моральный дух моряков, учили их разбираться в сложной и не особенно искренней дипломатии Лондона и Вашингтона.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.